

КУРЬЕР

М., 1898, 21 декабря, № 351

с. 2

ХРОНИКА ДНЯ

Как известно, на первом представлении комедии Ант. Чехова "Чайка" публика потребовала, чтобы талантливому автору была послана приветственная телеграмма. Телеграмма от имени публики и была послана в Ялту. Г.Чехов прислал ответ на имя лица, подписавшего телеграмму - г. Немировича-Данченко. Казалось бы, что элементарная тактичность и вежливость по отношению к публике должна бы заставить г. Немировича-Данченко сообщить во все газеты текст полученного им для п у б л и к и ответа. Ответ появился лишь в одной московской газете*.

х х
 х

* То же: УП, 689.

с. 3.

Дневник первого человека.

Опять сидела такую продолжительную паузу, что не знаю с чего начать... Паузу можно оправдать, когда в ней есть такое глубокое настроение, как в истинно-художественных паузах чеховской «Чайки». Впрочем, во время моей паузы у меня тоже было настроение... отвратительное настроение!

Оглядываясь ретроспективным взглядом на прошлую пьесу, я невольно должен остановиться на «Чайке». Это новая птица, которая поет новыми птицами, грустными до слез и правдивыми до жестокости...

Петербургцы (публика и пресса) не оценили художественных красок этой лучшей, талантливейшей из современных пьес: они падали в ней что-то искусственное, выдуманное. Для меня это совершенная загадка! Чехова скорей можно упрекнуть в безоглядной правдивости, чем в сочинительстве и выдумке... Все действующие лица «Чайки», исключенные из жизни, слабые, безвольные грешные люди, их палочные отношения не более уродливы, чем уродлива наша действительность...

В пьесе нет быстро сменяющихся друг друга событий, и потому, может быть, петербургская публика была неудовлетворена: она привыкла, чтобы в каждой акте происходило что-нибудь более или менее неожиданное, чтобы «опа» случайно заставала «его» с другой, чтобы он оказывался женатым на третьей или что-нибудь в этом роде. Финалом каждого акта должна быть какая-нибудь эффектная фраза, которая удивляет читателя по первому и вызывает «райские» восторги...

Всякий дураво мудреющий драматург копировал бы «Чайку» эффектной фразой доктора о лопнувшей склянке с эфиром; Чехов заставил доктора отвести в сторону Тригорина и в самых обыкновенных, нетеатральных выражениях сказать ему, что Константин застрелился, хотя зритель и без того понял это, услышав раздавшийся на сцене выстрел... И на чуткую душу такой конец производит неизмеримо большее впечатление, чем трюковые финалы модных фальшивых пьес.

В некоторых сценах «Чайки» действующие лица несколько молчат, и это может показаться чуть ли не драматической ересью, разрушающей элементарные приемы сценического произведения... В жизни молчать иногда по целым часам и это молчанье бывает нередко полно глубокого смысла, а на сцене полагается, чтобы все время кто-нибудь что-нибудь говорил даже и в том случае, если совершенно нечего сказать. И Чехов понял своим художественным чутьем эту фальшь... В деревенской усадьбе собралась вся семья с законными и незаконными ее членами. Вечер. На двор буму-

ет осенний ветер и рвется в окна... В комнате тепло и уютно. В камине трещит огонь. Играют в азарты и слышится шипящая цифра. «Человек, который хотел» и ничего не достиг, прет паралича, дремлет в кресле. Болтливый юноша-поэт погрузился в чтение... А ветер злобно завывает и навевает горькие мысли.

По театральному шаблону должны трещать и завывать персонажи, а здесь их функции исполняют стихия: огонь и ветер... И в этой паузе чувствуется драма... Встретившись с блудным юношей и зритель чувствует, что в эту бурную ночь еще раз появится «Чайка» и произойдет что-нибудь ужасное... И в завывании ветра слышится рыдания двух молодых заблуденных людей...

Занавес падает, и вы себя чувствуете так, как будто случайно заглянули в окно чужого дома и увидели, что там творится.

Обитатели его не знали, что вы на них смотрите и подслушиваете их разговоры и загадываете им в душу, а потому не играли, а жили...

И вы последний раз убедились в том, что жизнь не только «пустая и тупая», но и прескверная штука!

L'ami.

ТЕАТРЪ МУЗЫКА.

ТЕАТРЪ КОРША.

«Новый мир», месса в 4 действия и 7 карт. Баретта.

Драматурги новейшей формации прекрасно сознают старую истину, что обстановочная quasi-историческая пьеса, много бы литературного достоинства, она ни была, всегда будить ничуть меньше у любителей забавных аркадий, потому что либонит-сво на ладнож случает разгорается до аркадий предвзвон. Увидеть в оформлении театральной рампы на фоне соответствующей эпохи исторических тергов, конечно, крайне интересно, — я в этом отношении история давно прошедших времен представляется золотой истинкой для писателей драматургов. Все дело в том, как пользоваться этими богатствами.